

ПОСТСОВЕТСКИЕ СТРАНЫ – ГЛАВНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ РОССИИ

А. Карачурина

Вводная статья

Миграция в постсоветских странах

Как и в предыдущие десятилетия, миграционные процессы в России в 2000-е гг. определялись миграционными обменами с бывшими советскими республиками. Миграционные партнеры не изменились, но серьезно изменились взаимные – России и республик – статусы по отношению друг к другу. Если в советский период это были отношения республик в составе единого государства, то ныне это взаимодействия связанных друг с другом, но самостоятельных государств.

При этом самостоятельность в выбираемых политических курсах, идеологии построения государства, экономического курса и пр. государственных атрибутах растет, но связанность – в первую очередь, людьми – остается весьма высокой. Миграционные перемещения внутри пространства СССР связаны бывшие республики гораздо сильнее, чем товарные потоки. «Россия, равно как и СССР в целом, была изъята из транснациональной циркуляции населения на протяжении семи с лишним десятилетий. Начиная с 1990-х гг. мы включились в глобальные миграционные процессы как в качестве страны эмиграции, так и страны иммиграции»¹, но возможности расширения списка миграционных партнеров, по сути, так и остались возможностями.

Вклад республик бывшего СССР в поток прибывающих в Россию и в нетто-миграцию по-прежнему превалирует, доходя до 90–95%. Однако эта «неизменность» пространственного формирования миграционного ареала, по сути, единственная. Все остальное (размеры миграционных потоков, причины и формат миграций, состав иммигрантов) менялось в 2000-е гг. по сравнению с предыдущим десятилетием значительно.

МАСШТАБЫ

По данным текущего учета, за десятилетие 2001–2010 гг. в Россию прибыло на постоянное место жительства 2234 тыс. чел., а нетто-миграция составила 1550 тыс. чел. По данным текущего учета, скорректированным Всероссийской переписью населения 2002 г., за предыдущее десятилетие (1991–2000 гг.) в Россию прибыло на постоянное место жительства 8413 тыс. чел. и чистая миграция достигала 4649 тыс. чел.

Таким образом, разница в совокупных объемах прибытий мигрантов в Россию на постоянное место жительства достигла почти 4 раз, а в нетто-миграции – трех раз. Мы имеем совершенно разные масштабы явления за сопоставимый по времени промежуток времени.

Однако, прежде чем дальше рассматривать ситуацию, необходимо сделать весьма важную в контексте рассматриваемого вопроса ремарку. Она касается возможностей и качества учета миграции.

Во всех развитых странах мира учет миграционных потоков несовершенен, зачастую размычна сама дефиниция «мигрант», что дает разные параметры фиксации в странах приема мигрантов разных категорий и миграционных потоков.

В странах бывшего советского пространства учет затруднен еще и такими специфическими особенностями, как:

- дилеммное существование в замкнутых авторитарных условиях пришло к отсутствию опыта учета внешних миграционных потоков, если только они не сопровождаются выдачей соответствующих разрешений со стороны МИДа и МВА во всех республиках бывшего СССР. Кроме того, жесткая прописочная система СССР дедала невозможным любые внутренние недокументированные переезды;
- во времена СССР все передвижения внутри страны жестко контролировались, не говоря уж пересечении границ, поэтому такого явления, как временное пребывание на территории страны миллионов никак не учтенных людей, попросту не существовало.
- трансформация внутрисознанных границ в международные, при этом в большинстве с особым статусом безвизовости, то есть формально – открытости. Это способно давать миграционный обмен более полнокровным, но резко затрудняет учет миграционных событий².

• постоянная смена «правил игры» в условиях несогласованной между странами СНГ миграционной политики и межведомственные разделения по реализации мероприятий в сфере миграции внутри стран;

• лавинообразный поток беженцев и вынужденных переселенцев еще в 1990-е гг. сформировал массу недокументированных мигрантов и переселенцев с неопрделенным правовым статусом.

В итоге сложилась ситуация, что информация о миграционных потоках несовершенна как по отдельным странам, так и в межстрановом контексте. Например, по данным российской статистики в 2005 г., как и во все предыдущие (и последующие) годы, миграционный обмен с Украиной складывался в пользу России. Одновременно, по данным украинской стороны, «в 2005 г. впервые за последние 15 лет Россия и Украина меняются ролями. Российская Федерация впервые вышла вперед в роли миграционного донора Украины, обещая ей в этом году прирост населения в размере 1,1 тыс. чел.³ По российским данным, в 2002 г. в Белоруссию выехало 8,8 тыс. чел.; по белорусским данным, за этот же год прибыло из России в Белоруссию – 6,8 тыс. чел. И хотя абсолютные объемы перемещения – будь то почти 7 или почти 9 тыс. чел.⁴ – относительно невелики, но размер «невязки» составляет свыше одной пятой потока, что вкупе с такими же разными данными по корреспондирующему потоку вызывает противоложные позиции в знаке миграционного сальдо.

Статистические изменения вносят серьезные «возмущения» в миграционную картину. Фиксируемые статистикой данные и о прибытиях в Россию, и о выехавших из нее лишь приблизительно отражают реальное положение дел. Размеры нерегистрируемой части миграции могут быть только оценочными. В частности, вне официального числа прибывших на срок один год и больше, остаются мигранты, проживающие в стране по 2–3 года (а нередко и больше), многократно вполне законно продававшие свою временную регистрацию.

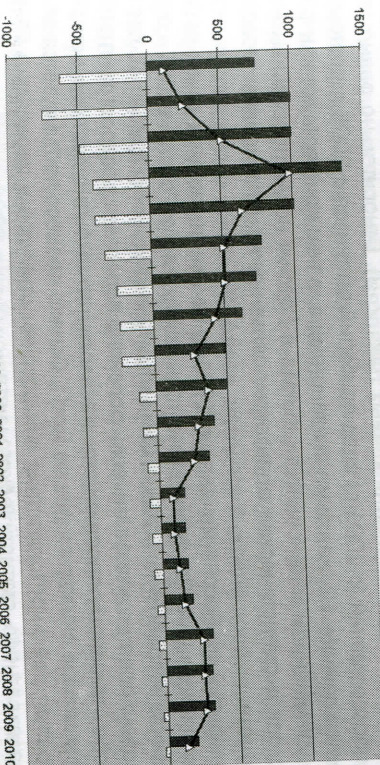
Неоднократно за последние десятилетия в России менялся и порядок статистической фиксации миграционных событий. Так, начиная с 2007 г. статистическая категория «мигрантов» была расширена за счет лиц, впервые получивших разрешение на временное проживание. В результате величина показателя чистой миграции в 2009 г. увеличилась до 258 тыс. чел. вместо 155 тыс. в предшествующем году. С 2009 г.

миграционный прирост России стали попадать не только регистрирующиеся «по месту жительства», как это было раньше, но и по «месту пребывания на срок свыше 12 месяцев». В значительной степени благодаря этому факту миграционный прирост в 2009 г. впервые за долгое время полностью возместил естественную убыль россиян. С 2011 г. впервые вновь некоторым образом выровнялись: срок «места пребывания» снизился «до 9 месяцев и более». Изменения и трудности, связанные с миграционным учетом и статистикой миграции, детально анализируются в работах О.С. Чудиновских⁵.

В целом в 2000-е гг. латентный характер миграции, подготавливаемый российским законодательством и правоприменительными практиками, стал, вероятно, еще более значительным, чем в прошлом. Анализировать те или иные данные о миграции, особенно в контексте ее внешней составляющей, необходимо с серьезными оговорками на плохой и только начавший улучшаться (после введения ФЗ от 18.07.2006 г. № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации») учет миграции. Реальность такова, что, например, на региональном уровне достоверно оперировать данными нетто-миграции в размере $\pm 0,5$ тыс. чел. невозможно. Фактически это с равной вероятностью может быть и миграционная убыль, и миграционный прирост. Тенденции видны только на различных в разны, при анализе миграционных трендов за сколько-нибудь длительный период.

Главную из тенденций 2000-х гг. можно обозначить как резкое снижение официальных кумулят или трендов за сколько-нибудь длительный период. Масштабов прибытий из стран СНГ в Россию, выхийтий из России в обратном направлении, как следствие, миграционного оборота и миграционного прироста. Ситуация развилась исподволь. Нельзя сказать, что Россия стала центром миграции на постсоветском пространстве именно и только с распадом СССР. Перелом в миграционном обмене с республиками произошел еще в 1975 г., когда впервые за длительный период Россия получила положительный миграционный прирост. В 1976–1980 гг. в России осело 87% населения бывшего СССР, перераспределенного миграциями между республиками, в 1981–1985 гг. – 85%, в 1986–1990 гг. – 72%⁶.

После распада СССР процесс усилился, но миграционный прирост России вырос в большей степени благодаря падению объемов миграционных потоков из России в республику СНГ и Балтии, нежели росту прибытий оттуда (рис. 1). Серьезным пиком прибытий в Россию отметился 1994 г., после чего началось неуклонное падение. Однако в 2001 г. началась процесс резкого снижения прибытий и, соответственно, миграционного прироста. Снижение было обусловлено изменениями в ряду сдерживающих (в России) и выталкивающих (в республиках) факторов, о которых будет сказано ниже. Линии

Рисунк 1.

Миграция со странами СНГ и Балтии, 1991–2007 гг., тыс. чел.

Источник: Данные Росстата.

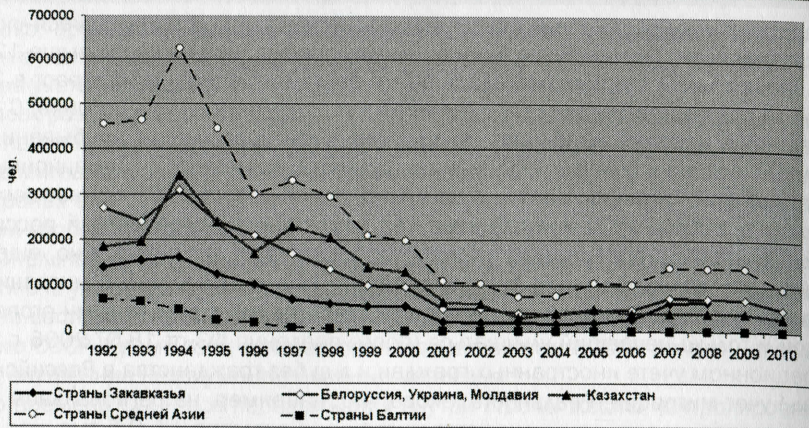

Рисунок 2.

Числа прибывших в Россию из стран СНГ

Источник: Данные Росстата.

миграционных потоков, фиксируемых текущим учетом, и скорректированных по результатам Всероссийской переписи населения 2002 г. (ВПН-2002) отличаются, однако не принципиально. По предварительным данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010), в качестве лиц, временно находящихся на территории России, были учтены 489 тыс. чел., временно (менее 1 года) находившихся в России и постоянно проживающих за рубежом (по ВПН-2002 таких было 239 тыс. чел.)⁷. Но, как показывает Н.В. Мкртчян⁸, объективных данных для значительной корректировки миграционных сведений текущего учета за 2002–2010 гг., подобно тому, как это было сделано в предыдущий межпереписной период, перепись не дала.

Тем не менее есть косвенные оценки потоков, позволяющие говорить о том, что фактический миграционный прирост после 2000 г. был в 2–3 раза выше регистрируемого⁹.

Несмотря на падение чисел прибывших, Россия по-прежнему имеет нетто-прирост в обмене со всеми странами СНГ и Балтии (по российским данным), а миграционный обмен, по крайней мере, фиксируемый статистикой, как и почти все 1990–2000-е гг., носит неэквивалентный характер по всем направлениям, кроме белорусского.

Погодовой анализ прибытий и выбытий (в) Россию(и) из (в) стран ближнего зарубежья выявляет разные варианты кривых (рис. 2, 3). Относительно равномерный (до 2000 г.) и более резкий (с 2001 г.) спад прибытий сменился с 2005 г. ростом, который продолжается поныне. Но, как было сказано выше, в нем присутствуют как факты, связанные с увеличением интенсивности въезда в Россию после провалных лет начала 2000-х гг., так и статистические артефакты, связанные с изменением модели миграционного учета.

Тренд выбытий из России начиная с 1991 г. не имеет никаких точек перегибов и все время нисходящий. За прошедшие годы выбытия из России в СНГ сократились в 17 раз, то есть несравненно больше, чем амплитуда изменения прибытий. Уже в начале 2000-х гг. стало понятно, что фактически россияне перестали распространяться по бывшему единому союзному пространству. Казалось, что выбытия достигли исторического минимума и дальше снижаться уже не могут. Однако процесс продолжается до сих пор, отчасти отражая реальное отсутствие для россиян стимулов к переезду в страны СНГ, отчасти неадекватность статистического учета.

В результате этой комбинации трендов прибытий и выбытий миграционный прирост России в обмене со странами СНГ и Балтии повторяет график прибытий с максимумом в 1994 г. и пройденным минимумом в 2004 г.

Неустойчивый тренд с Казахстаном связан с комплексом факторов, среди относительно устойчивое экономическое положение Казахстана; депрессивный сийских регионов, находящихся на границе с Казахстаном и традиционно в 1 служивших местом расселения бывших казахстанцев; значительная исчер миграционного потенциала; ужесточение режима получения гражданства др цев из Республики. В качестве причин нелинейности тренда притока мигр Казахстана в Россию Е.В. Тарасова указывает также на то обстоятельство, что казахстанцы, составляющие основу миграционного потока, никогда не предст Республике некую сплоченную массу единую в своих установках. «При характ этой этнической группы необходимо учитывать региональные, социальные и ные различия, которые приобретают все большую значимость в качестве дете политического и миграционного поведения. Из дифференциации жизненных с проистекают и различные миграционные стратегии»¹⁵. Но переориентация с с постоянной миграции на временную из Казахстана, в отличие от многих дру публик бывшего СССР, пока не очень распространена: трудовых мигрантов из стана в России немного. В целом за 1992–2000 гг. из Казахстана в Россию г 1849,4 тыс. чел.; за 2001–2010 гг. еще 412,1 тыс. чел. (более чем четырехкратно щение объема). Таким образом, миграционные потери Казахстана в пользу составили 2261,6 тыс. чел., то есть почти 15% своего населения (2001 г.).

После нескольких лет затишья неуклонно растет приток из Закавказских рес Напомним, что в советское время Грузия была одной из первых республик, рых началось возвратное движение русскоязычных в Россию, Украину, Белор Уже в 1950–1959 гг. размер отрицательного сальдо миграции составлял 20 ты а в 1970–1979 гг. оно было уже в размере 138 тыс. чел.; 60% его приходилось сию. Вслед за Грузией репатриационный выезд захватил русскоязычное населен других закавказских республик. В итоге уже к началу 1990-х гг. численность р в Грузии и Азербайджане сильно поредела, а в моноэтничной Армении она всегд совсем незначительной. Вооруженные конфликты начала 1990-х гг. и последов массовый выезд русскоязычных (которые формально были в стороне от конфл способствовали тому, что с конца 1990-х гг. и донныне в потоках прибывающих из казья доминируют представители титульного населения.

На фоне частичной переориентации миграционных потоков из западных рес все более мощной становится миграция в Россию из Среднеазиатского региона Россия остается для них ключевой страной. В 2000-е гг. «миграционные связи в Центральной Азии слабее, чем у каждой из стран, входящих в регион, с Росси «на протяжении многих десятилетий Россия сохраняет главенствующую роль во вне миграциях населения Узбекистана. Однако современные размеры эмиграции в Р заметно уменьшились»¹⁷. Тем не менее в среднеазиатском направлении Узбекиста равно доминирует. Киргизия, с которой вплоть до последнего времени действовало правительственное соглашение о льготном порядке приобретения российского гра ства, потеснила Таджикистан, который в кровопролитные для себя 1990-е гг. ма «поставлял» на постсоветское пространство беженцев и являлся мощным миграцио донором России. Впрочем, неверным было бы считать, что ныне потоки из Таджики незначимы. Также как из других республик бывшего советского пространства, они детерминироваться экономическими факторами и, значит, во многом переориен ваны на временную трудовую миграцию, хотя и на длительное время (в силу удал сти и дороговизны билетов). Продолжается и этническая эмиграция, но ее интенсив в силу множества факторов, один из которых – уменьшение численности русских и ставителей других российских народов и снижение этнического многообразия¹⁸, пада

Необходимо констатировать, что реальные траектории миграционного вза действия России с республиками бывшего СССР в 2000-е гг. становятся все б

Неустойчивый тренд с Казахстаном связан с комплексом факторов, среди которых относительно устойчивое экономическое положение Казахстана, депрессивность российских регионов, находящаяся на границе с Казахстаном и традиционно в 1990-е гг. миграционным местом расселения бывших казахстанцев; значительная исчерпанность цев из Республики. В качестве причин неинтенсивности тренда притока мигрантов из Казахстана в Россию Е.В. Тарасова указывает также на то обстоятельство, что русские в Казахстане, составляющие основу миграционного потока, никогда не представляли в этой этнической группе необходимо учитывать региональные, социальные и возрастные различия, которые приобретают все большую значимость в качестве детерминант политического и миграционного поведения. Из дифференциации жизненных стратегий с постоянной миграции на временную из Казахстана, в отличие от многих других республик бывшего СССР, пока не очень распространена: трудовых мигрантов из Казахстана в России немного. В целом за 1992–2000 гг. из Казахстана в Россию прибыло 1849,4 тыс. чел.; за 2001–2010 гг. еще 412,1 тыс. чел. (более чем четырехкратное сокращение объема). Таким образом, миграционные потери Казахстана в пользу России составили 2261,6 тыс. чел., то есть почти 15% своего населения (2001 г.).

После нескольких лет загибля неуживоно растет приток из Закавказских республик. Напомним, что в советское время Грузия была одной из первых республик, с которой началось возвратное движение русскоязычных в Россию, Украину, Белоруссию. Уже в 1950–1959 гг. размер отрицательного сальдо миграции составлял 20 тыс. чел., а в 1970–1979 гг. оно было уже в размере 138 тыс. чел.; 60% его приходилось на Россию. Всплеск за Грузией репатриционный выезд захватил русскоязычное население двух других закавказских республик. В итоге уже к началу 1990-х гг. численность русских в Грузии и Азербайджане сильно поредела, а в моноэтнической Армении она всегда была совсем незначительной. Вооруженные конфликты начала 1990-х гг. и последовавший массовый выезд русскоязычных (которые формально были в стороне от конфликтов) способствовали тому, что с конца 1990-х гг. и доныне в потоках прибывающих из Закавказья доминируют представители типичного населения.

На фоне частичной переориентации миграционных потоков из западных республик все более мощной становится миграция в Россию из Среднеазиатского региона. Пока Россия остается для них ключевой страной. В 2000-е гг. «мигранционные связи внутри Центральной Азии слабее, чем у каждой из стран, входящих в регион, с Россией»¹⁶, «на протяжении многих десятилетий Россия сохраняет главенствующую роль во внешних миграциях населения Узбекистана. Однако современные размеры эмиграции в Россию заметно уменьшились»¹⁷. Тем не менее в среднеазиатском направлении Узбекистан все равно доминирует. Киргизия, с которой вплоть до последнего времени действовало межправительственное соглашение о льготном порядке приобретения российского гражданства, потеснилась Таджикистан, который в кровопролитные для себя 1990-е гг. массово «поставлял» на постсоветское пространство беженцев и являлся мощным миграционным донором России. Впрочем, неверным было бы считать, что ныне потоки из Таджикистана незначительны. Также как из других республик бывшего советского пространства, они стали детерминироваться экономическими факторами и, значит, во многом переориентированы на временную трудовую миграцию, хотя и на длительный период (в силу удачности и дорогостоящести билетов). Продолжается и этническая эмиграция, но ее интенсивность в силу множества факторов, один из которых – уменьшение численности русских и представителей других российских народов и снижение этнического многообразия¹⁸, падает. Необходимо констатировать, что реальные траектории миграционного взаимодействия России с республиками бывшего СССР в 2000-е гг. становятся все более

бразными. Больше нет того одностороннего исхода из республик в Россию, отметились конец 1980-х гг. или середина 1990-х гг. Реализация миграционных возможностей усложнилась. Теперь она не только «навсегда». Список стран, в которые уезжать больше не состоит только из России, он пополнился другими, не только традиционными для всех республик бывшего СССР (США, Германия, Израиль), но и более «новыми» (ОАЭ, Катар, Сирия, Китай и др.). Ситуация в республиках – социально-экономическая, демографическая – тоже различна, и отсюда нелинейность траекторий. И в самой России отношение к миграции из разных республик оказалось разным, причем не только на бытовом уровне, но и через официально действовавшие документы: для переселяющихся из Казахстана, Киргизии и Белоруссии до 2011 г. воводал упрощенный порядок приобретения российского гражданства, для других – республик таких возможностей предусмотрено не было. В результате повсеместно в национальном обороте, в том числе со странами СНГ, «Страны СНГ еще объединяет миграционное прошлое, однако, каждая из них движется сегодня собственными путями, преодоленными национальными «дорожными картами», сквозь которые остаются, как непритязательный подорожник, людские надежды, желания, тревоги и «данья»¹⁹.

СТРАНСТВЕННЫЕ АРЕАЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

2000-е гг. основная часть мигрантов направлялась в Россию из Казахстана, Украины и Узбекистана. Суммарно три эти республики бывшего СССР дают 62% прибывших в Россию из стран СНГ и Балтии за 2001–2007 гг., что соответствует их совокупному численности населения стран СНГ (61,9%). Роль этих республик в нетто-иммиграции незначительно меньше (60%). Постепенно происходит перераспределение ранжирования: в прибывших в Россию повысилась роль среднеазиатского региона (11% в 2001 г., 36% – в 2007 г.), особенно Узбекистана и Киргизии, резко (почти в 2,5 раза)

увеличилась доля Казахстана. За 1989–2002 гг. 11% своего населения в пользу России, Казахстана, потерявший за 1989–2002 гг. 11% своего населения в пользу России, он регистрирует высокие темпы экономического роста: из главного поставщика мигрантов в российскую территорию, каким он был в середине – второй половине 90-х гг., возвращается в конкурента «за мигрантов», например из Средней Азии. Миграционный потенциал Казахстана для России под воздействием уже случившегося массового оттока в 1990-е гг., улучшения социально-экономической ситуации, структурной трансформации и сложившегося секторального распределения резко сузился. Об этом свидетельствуют и сложившиеся исследовательские данные и экспертные опросы. Даетельствуют данные различных обследований населения и миграционному агентству «Ферда» (казах.ру): «По моему глубокому убеждению, русскоязычное население, которое проживает в нашей стране, чувствует себя вполне комфортно. У многих есть собственный бизнес. Скажу больше, средний бизнес – это преимущественно русский бизнес. Тем не менее, если связан он с производством. Тогда однозначно эта ниша закрывается русскими. Это благодатная и достаточно серьезная предпринимательская ниша, в которой представители русского населения идут вне конкуренции. На самом деле, если посмотреть по структуре безработицы, то в процентном соотношении, в пересчете на индивидуальный состав, безработных и неустroенных среди русскоязычного населения существенно меньше»²⁰.

Первое место в прибывших в Россию вместе Казахстана теперь занимает Узбекистан, второй миграционный потенциал начал реализовываться позже, чем казахский: уровень жизни населения ниже, а общие темпы роста населения²¹ и простота трудоустройства еще значительны.

Стабильное 2-ое место в прибылтых удерживает Украина, миграционный обмен с которой за периода 2001–2007 гг. носит хоть сколько-нибудь паритетный характер (на десять выывывших в Украину приходится 21 прибывший в Россию), но в последние годы, особенно в 2007 г., ста не менее односторонним (в сторону России), чем с почти всеми другими республиками бывшего СССР. Можно предположить, что изменение характера двустороннего обмена связано с общим ухудшением российско-украинских отношений, а также, по сути, с «перформативованием» пространства СНГ и, в частности, с тем, что часть Украины уже активно включена в европейское миграционное поле.

Соразмерные двусторонние миграционные потоки существуют только в обмене населением с Беларусью: на десять выывывших в Беларусь – 9 прибывших в Россию. Слабо выраженный, но отрицательный знак нетто-иммиграции России в обмене с Беларусью (–6,5 тыс. чел. за 2001–2007 гг.) не поддается внятному объяснению.

Не менее 20% от прибывших в Россию ежегодно составляют мигранты из Закавказья. Их роль в нетто-миграции еще выше и росла на протяжении анализируемого периода в связи с очень значительным падением выезда из России в Закавказье. Фактически следует говорить о почти полном прекращении выезда из России в эти республики. Экономический рост Азербайджана пока не нашел своего отражения в росте миграционного потока в Республику. Миграционный обмен со странами Балтии, не особенно интенсивный и в 1990-е гг., в 2000-е гг. и вовсе иссяк.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ МИГРАЦИИ

В 1980-е гг., последнее десятилетие существования СССР, преобладающими вектором миграций на союзном пространстве стало движение в Россию (почти 3/4 положительной нетто-миграции), Украину (15%) и Прибалтику (около 10%) из Средней Азии (40% отрицательной нетто-миграции), Казахстана (около 30%), Закавказских республик (почти 30%). «Такая география миграций в целом соответствовала территориальной дифференциации рынков труда и демографической ситуации», – писала об этом Ж.А. Зайончковская²².

В 1990-е гг., особенно в их первой половине, миграции определялись почти исключительно стрессовыми факторами. Но движение в Россию по-прежнему оставалось главным миграционным направлением.

Но ближе к концу этого десятилетия и затем в 2000-е гг. начали проявляться и нарастать другие, более «нормальные» факторы: в своих миграционных решениях люди стали все больше ориентироваться на «взвешивание» социально-экономических параметров (возможностей работы, покупки или аренды жилья, перспектив для детей) в «своем» месте и конкретных точках въезда. Сами по себе возможности трезвой оценки потенциала мест выхода и вселения; затухание военных конфликтов на территории Таджикистана, Грузии, Азербайджана; переоценка значимости русскоязычного населения в новых независимых государствах и послабления в использовании русского языка; адаптация русских и русскоязычных к новым жизненным условиям в республиках; снижение миграционного потенциала русскоязычного населения в республиках: ужесточение российского законодательства; усиление ксенофобских настроений в российском обществе – все эти, а также другие факторы «выталкивания» и «притяжения» способствовали как трансформации форм миграции (например, росту значимости временных вариантов миграции), так и снижению объемов постоянных перемещений в СНГ. Остановимся на механизмах миграции более подробно.

Факторы «выталкивания» из республик почти полностью перешли из политической плоскости в экономическую. Хотя темпы роста российской экономики были и остаются невысокими и более низкими, чем в ряде постсоветских стран, достигнутые социально-экономические показатели России существенно выше, чем в республиках СНГ.

А именно разница душевых доходов и зарплат, показателей безработицы и других социально-экономических параметров создает «разницу потенциалов» между Россией и странами СНГ, отражающуюся как в постоянной, так и во временной трудовой миграции. Кроме стран Балтии только Белоруссия и отчасти Казахстан могли соперничать с Россией по некоторым социальным позициям (табл. 1). Кризис не изменил соотношение дел, т.к. затронул страны СНГ не менее сильно, чем Россию. В контексте временной трудовой миграции кризис способствовал тому, что и без того слабые и зависимые экономики среднеазиатских стран столкнулись с «экспортом» безработицы и не могли этому противостоять. Результаты обследований в Таджикистане и Молдове выявили сокращение численности прибывших трудовых мигрантов в 2009 г. в диапазоне 15–25% от уровня летнего сезона 2008 г. Постоянную миграцию кризис затронул еще меньше – отчасти в связи с тем, что она готовится и планируется задолго и кризис уже не мог остановить начатое раньше, отчасти из-за недостаточно хорошего качества миграционного учета. Необходимо отметить, что как в России, так и в республиках социально-экономическая статистика измеряет реальные социально-экономические процессы тоже с большими прегрешениями и значительно усредняя параметры по отдельным регионам стран, типам поселений (в первую очередь город – село), группам населения.

Таблица 1

Некоторые показатели социально-экономического развития России, стран СНГ и Балтии, 2009 г.

	Доля населения с ежедневным доходом по ППС менее 2 США, 2000/2009 г., %	Численность безработных по методике МОТ в среднем в 2009 г.	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств по паритету покупательной способности, РФ=100	ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности, США, 2009 г.	Средний размер номинальной зарплаты, США, август 2009 г.
Россия	1	8,2	100	18 330	718
Азербайджан	8	6,0	46	9020	317
Армения	12	16,4	34	5410	293
Грузия	33	-	-	4700	-
Белоруссия	1	0,9*	85	12 740	396
Молдавия	13	5,7	37	3010	230
Украина	1	9,1	59	6180	356
Казахстан	1	6,3	69	10 320	485
Киргизия	29	8,2	24	2200	137
Таджикистан	51	7,4	19	1950	63
Туркменистан	50	-	-	6980	626
Узбекистан	77	-	-	2910	-
Латвия	1	-	123	17 610	901**
Литва	1	-	144	1730	840**
Эстония	1	-	142	19 120	1153**

* По регистрации на конец года. ** Данные на середину 2011 г.

Источник: Россия и страны мира, 2010. Росстат, 2008; Демоскоп Weekly URL: http://demoscope.ru/weekly/app/world2009_3.php.

При всей внутренней проблемности российской экономики ее сырьевой характер и благоприятная ценовая конъюнктура действовали в 2000-е гг. таким образом, что по большинству социально-экономических параметров Россия заметно опережала другие бывшие союзные республики, кроме балтийских. Причем разница стала существенно большей, чем это было в 1990-е гг., когда главные отличия были скорее в области знания

о том, что Россия «раньше других стран СНГ вступила и более продвинулась на пути в рыночную экономику», чем соотношения реальных экономических параметров. Если бы единственной детерминантой миграции была разница в социально-экономическом положении республик, то миграционный поток в Россию должен бы быть существенно более высоким, чем это имело место в реальности.

Статус русского языка

Владение русским языком среди граждан стран СНГ играет большую роль в формировании российского вектора миграции. После распада СССР почти все вновь образованные суверенные страны приняли законы о статусе своих «гипульных» языков и русского языка. «... Новые независимые государства в своем стремлении избавиться от «колониального комплекса» пытались максимально отмежеваться от всего, что связывало их с идеологией прошлого – русский язык оказалась объектом ценнаправленного вытеснения»²³. Но с течением времени ситуация начала меняться: идеологические догмы постепенно вытеснялись более прагматичным отношением к русскому языку.

А. Шустов отмечает большую зависимость мощности миграционных волн из Казахстана от статуса русского языка: после активного выезда населения из Казахстана, случившегося в 1994 г. (Республику покинуло 477 тыс. чел., или почти 3% ее жителей) «власти пошли на смягчение национальной политики. В конституцию 1995 г. было включено положение об официальном статусе русского языка, а перевод на казахский язык системы образования, деолпроизводства и других наиболее чувствительных сфер общественной жизни был отложен на будущее. Принятые меры довольно быстро дали результаты. Уже в следующем 1995 г. миграционная убыль сократилась почти вдвое (до 239 тыс. чел.), а в 1996 г. – еще почти в полтора раза (до 176 тыс. чел.)». Увеличение эмиграции русских из Казахстана, наметившееся в этом году (2011 г.), связано с целым рядом обстоятельств, главным из которых является обострение языковой проблем. В начале августа этого года Министерство культуры Казахстана опубликовало проект закона об изменении ряда нормативно-правовых актов, способный радикально преобразовать языковое пространство республики. Волна общественного недовольства, поднявшаяся после появления этих документов, заставила власти заявить, что никаких резких изменений в сфере языковой политики не планируется. Но изменить миграционные настроения это не помогло.²⁴

Значимость фактора распространности и применимости русского языка, хотя и в несколько ином смысле, отмечает Н.П. Космарская для Киргизии: «У русского языка реально существуют особо прочная основа в республике из-за высокой степени его коренности именно в киргизской среде. По совокупности объективных и субъективных причин киргизы оказались одной из наиболее русифицированных этнических групп в бывшем СССР и самой русифицированной – в Центральной Азии»²⁵. Это привело к тому, что «там слабо действует важнейший стимул консолидации по этническому (этнокультурному) признаку – борьба за сохранение русскоязычного культурного пространства»²⁶.

В странах Балтии, особенно в Латвии и Эстонии, наоборот, русский язык выполняет важную консолидирующую функцию для русскоязычного населения. В феврале 2012 г. в Латвии состоялся референдум о статусе русского языка как второго государственного языка Республики. И хотя положительного решения принято не было, проведение референдума можно рассматривать не только как некий демократический акт, но и как желание властей Латвии к диалогу с русским меньшинством.

Ныне русский язык имеет статус государственного в Белоруссии, Казахстане и Киргизии. В Таджикистане и Молдавии²⁷ является «языком межнационального общения», в Узбекистане – «языком национального меньшинства», в Армении – иностранным языком, но Армения ратифицировала Европейскую хартию региональных языков, согласно

которой русский язык в Республке признается языком национального меньшинства. Несмотря на окончательную неопределенность статуса русского языка в Украине, с декабря 2011 г. Конституционный суд Украины разрешил использовать в судах наравне с государственными региональные языки и языки национальных меньшинств, в том числе русский. В остальных республиках бывшего СССР у русского языка статус «иностранный», но в большинстве случаев он достаточно широко распространен. Однако даже в тех странах, где русский язык имеет высокий статус и официально употребим, владение титульным языком является серьезным инструментом для ограничения в государственной службе и построении карьеры. При этом следует понимать, что проживание в любой стране всегда требует (и это почти недискутируемый вопрос для миграции на ПМЖ и проживания в странах «традиционного» зарубежья) знания местных языков. Е. Измайлова, анализируя ситуацию в Украине, делает вывод, что, несмотря на длительный период, прошедший с момента распада СССР, русские в Украине часто не хотят знать и учить украинский язык и поэтому не вправе требовать повышения статуса и расширения применения русского языка²⁸.

Переоценка значимости русскоязычного населения в новых независимых государствах

Быстрый выезд русскоязычного населения в 1990-е гг. отогнал трудовые ниши, ранее им занимаемые. Бесплокойство этим обстоятельством было тем сильнее, чем выше доля русских и титульных россиян в населении республик. Более всего ситуация обуждалась в Казахстане и Киргизии. Среди покинувших Казахстан в 1996–2004 гг. (старше 15 лет) 26% имели техническое образование, 21% – педагогическое, по 10% – экономическое и медицинское, 6,5% – архитектурно-строительное. В итоге значительно сократилась численность врачей, инженеров, педагогов, «потеряна ответственность в системе высшего и среднего специального образования»²⁹.

Кроме последствий на рынках труда, возникли и другие: массовая эмиграция из республик способствовала стабимизации или даже снижению численности их населения; повсеместно в республиках изменились пропорции этнической структуры населения. Не везде эти сдвиги в устойчивейшей системе воспринимались как однозначно позитивные. Однако в целом в 2000-е гг. начали проявляться факторы, способствовавшие осознанию новой роли русских в республиках. Прагматизм и признание как доминанты экономических интересов стали преобладать, и вместе с тем наметилось понимание важности сохранения населения и достигнутого этнополитического равновесия. Например, в 2003 г. в Казахстане был сделан прогноз о том, что с учетом сложившейся миграционной обстановки, возрастной структуры населения и прогнозов развития нефтяного и газового секторов, к 2006 г. нехватка рабочей силы составит примерно 100 тыс. чел.³⁰ Подобные обстоятельства, возникавшие то в одном, то в другом месте, несомненно, должны были способствовать ослаблению давления на русских в республиках.

Адаптация русских и русскоязычных к новым жизненным условиям в республиках

Длительный период существования в рамках СССР русские в республиках занимали равновесные позиции. Это было связано как с идеологическими установками и нормами, так и с, как правило, более высоким уровнем образования и квалификации. После распада СССР русские и представители других титульных народов столкнулись с необходимостью приспособления к новым экономическим и психологическим реалиям своего существования. Войны и прямые вооруженные конфликты способствовали выезду и бегству. Но очень значимой была и перекройка социально-политической иерархии. Она формировала дискомфорт и «чемоданные настроения», возможно, в не меньшей степени. Однако с течением времени происходила постепенная переоценка

ценностей (взвешивание «за» и «против» в России и местах своего нынешнего жительства, о чем уже говорилось выше), привыкание к новым условиям. В частности, данные по Казахстану показывают, что многие русские в больших городах смогли занять в новых экономических условиях те ниши, на которые не претендует местное население, и чувствуют себя достаточно комфортно. Идеи об отъезде связывают в применении к детям и их учебе в российских вузах. Позволим себе привести цитату из интервью аналитика С. Жусупова: «По моему глубокому убеждению, русскоязычное население, которое проживает в нашей стране, чувствует себя вполне комфортно. У многих есть собственный бизнес. Скажу больше, средний бизнес – это преимущественно русский бизнес. Тем более, если связан он с производством. Тогда однозначно эта ниша закрыта русскими. Это благодатная и достаточно серьезная предпринимательская ниша, в которой представители русского населения идут вне конкуренции. На самом деле, если посмотреть по структуре безработицы, то в процентном соотношении, в пересчете на количественный состав, безработных и неустroенных среди русскоязычного населения существенно меньше³¹».

Н.П. Космарская, анализируя ситуацию в Киргизии, приходит к выводу о том, что самочувствие и настроение нетитульного населения в Республике значительно дифференцированы, как это и наблюдается в любом обществе, и это не всегда зависит от этнической мозаичности общества. Существуют устойчивые различия между оценками тех, кто желает остаться, и теми, кто хотел бы уехать. Первые оценивают социально-экономическую ситуацию и отношение к ним со стороны местного населения («ущемление по национальному признаку») более позитивно, чем вторые³².

В работе И.Ю. Милославской, основанной на исследовании в странах Балтии, отмечается, что, несмотря на заметные трансформации этнической идентичности русскоязычного населения, толерантность коренного населения по отношению к русскоязычному высока. Это способствует усилению интенсивности межэтнических контактов, но, с другой стороны, наталкиваясь на негативные гетеростереотипы русскоязычного населения, не дает полностью реализовать свой интеграционный потенциал. «Несмотря на высокую степень адаптивности русскоязычного населения, тенденция к сохранению себя как самостоятельного этнического образования сочетается с неослабевающим сопротивлением инокультурному влиянию и отдаляет процесс межэтнической интеграции»³³. Анализ полученных результатов исследования этнической идентичности русскоязычного и латышского населений свидетельствует об отсутствии выраженной напряженности в межэтнических отношениях в странах Балтии и достаточно высоком уровне готовности русскоязычных в странах Балтии к межэтническому взаимодействию и устойчивости их жизни.

Снижение миграционного потенциала русскоязычного населения в республиках

Длительная по времени репатриация русскоязычного населения в совокупности с его демографическими параметрами (суженное воспроизводство и старение) и ассимиляцияй значительно сузили миграционный потенциал республик бывшего СССР. Напомним, что репатриация русских и русскоязычных в Россию началась задолго до распада СССР и интенсифицировалась в 1990-е гг., став важнейшим компонентом миграционных процессов России. Она охватила все неславянские страны, включая Молдавию и страны Балтии. Репатриантами являлось большинство вынужденных переселенцев. За 1992–2000-е гг. нетто-миграция русских из бывших союзных республик составила 2814,2 тыс. чел., из которых около 35% приходится на Казахстан и 15% – на Узбекистан. Обратный поток был очень небольшим, поэтому почти вся нетто-миграция формировалась за счет потока прибывающих. Помимо выезда в Россию, около 1 млн русских выехали из бывших республик в «дальнее» зарубежье³⁴.

В 2000-е гг. поток репатриантов значительно уменьшился. Но доподлинно этнический состав иммиграционного потока в Россию начиная с 2008 г. не понятен в связи с прекращением статистического учета миграции в разрезе национальностей.

В середине 2000-х гг. ошутимо проявила себя тенденция снижения доли русских в общем миграционном приросте со странами СНГ и Балтии. Если в 1989–1992 гг. она составляла 81%, то в 2001–2004 гг. уже была 59%, в 2005–2007 гг. – 41,1%. Помимо русских, весомую часть нетто-миграции составляли татары (4–8%). В 2007 г. русские совместно с народами и этническими группами России составляли 38,5% нетто-миграции.

Таким образом, репатриационная волна ошутимо спадала на протяжении 1990–2000-х гг. (об этом же косвенно свидетельствует низкая эффективность Государственной программы содействия добровольному переселению «Соотечественники»).

Тем не менее, так как в целом начиная с минимума в 2001 г. абсолютные размеры нетто-миграции росли, то нарастали и абсолютные размеры миграционного прироста русских: так, в 2003 г. он составил 40,5 тыс. чел., в 2007 г. – 78 тыс. чел.

За весь постсоветский период особенно значительные потери русского населения понесли активно воевавшие в 1990-е гг. республики Закавказья, Таджикистан (табл. 2).

Таблица 2.

Нетто-миграция из стран СНГ и Балтии и изменение численности русских в них, 1989–2007 гг.

Страны	Численность русских по переписи населения 1989 г., тыс. чел.	Нетто-миграция русских за 1989–2007 гг., тыс. чел.	Потери русских за 1989–2007 гг., в % к 1989 г.	Численность русских по национальным переписям, тыс. чел.
Белоруссия	1342	8,3	0,6	785,0 (2009)
Молдавия	562	75,3	13,4	412* (2004***)
Украина	11 356	378,0	3,3	8334 (2001**)
Итого	13 260	461,6	3,5	9531
Азербайджан	392	198,4	50,6	119,3 (2009)
Армения	52	35,9	69,0	15,0 (2001**)
Грузия	341	166,2	48,7	67,7 (2002***)
Итого	785	400,5	51,0	202
Киргизия	917	272,1	29,7	419,6 (2009)
Таджикистан	388	239,2	61,6	68 (2000**)
Туркмения	334	108,9	32,6	165**** (2010)
Узбекистан	1653	551	33,3	1199,0***** (2000)
Итого	3292	1171,2	35,6	1851,6
Казахстан	6228	1340,3	21,5	3774,0 (2009)
Латвия	906	97,6	10,8	556,4 (2011)
Литва	344	47,1	13,7	219,8 (2001**)
Эстония	475	59,4	12,5	340,7***** (2012)
Итого	1725	204,1	11,8	1116,9
Всего	25 123,8	3577,7	14,2	16475,5

* Включая Приднестровье.

** Данные переписей населения Украины 2012 г., Армении 2011 г., Таджикистана 2010 г., Литвы 2011 г., Эстонии 2011–2012 гг. еще не обработаны.

*** Переписи населения Молдавии и Грузии раунда 2010-х гг. еще не состоялись.

**** Оценка Статистического ведомства Туркмении на 2010 г.

***** Оценка 2000 г. по данным: «Этнический атлас Узбекистана». Институт «Открытое общество», Узбекистан, 2002.

***** Оценка Департамента статистики Эстонии на 01.01.2012.

Таким образом, к концу 2000-х гг. в странах СНГ и Балтии оставалось не более 16 млн русских, а возможно и меньше, учитывая, что пока мы не располагаем данными о

переписях раунда 2010-х гг. в Узбекистане, Украине и некоторых других республиках. Из них не менее 9 млн проживают в Украине, Белоруссии и Молдавии.

Говоря о миграционном потенциале русских, следует понимать, что их возрастные характеристики не отличаются молодостью и явственно характеризуют тенденции постарения, повсеместно свойственные русским. Так, по данным переписи населения Киргизии (2009 г.), в возрастах от 60 лет и старше находится 19,4% русских республики. В Казахстане (2009 г.) этой возрастной когорте принадлежали 17,3% русских. При этом за межпереписной период 1999–2009 гг. заметно увеличилась доля русских в возрасте 50–59% – с 9,8% до 14,4% и снизилась группа от 0 до 19 лет – с 29,4% до 23,1%³⁵.

В некоторых республиках бывшего СССР актуальны и конверсионно-ассимиляционные процессы.

Говоря о репатриации, традиционно имеют в виду возврат русских и титульных народов России из республик бывшего СССР. Строго говоря, репатриация – это вообще возвращение на родину, и в этом смысле миграция в Россию может являться репатриацией и для азербайджанца, и для киргиза, родившегося в России. Проблемы с терминологическим обозначением этого движения отразились на расплывчатости формулировки «соотечественника» в соответствующей Государственной программе. Стоит понимать, что русские в республиках не могут огульно рассматриваться как единая (для каждой республики) община или как группа абсолютных поборников возвращения на родину, тем более, что родиной зачастую уже является вовсе не Россия. Ожидания людей разнонаправлены. Н.П. Космарская пишет: «...анализ идентичности русскоязычных различных стран ближнего зарубежья (на основе моих собственных полевых материалов по Киргизии и данных других авторов) свидетельствует об открытости той эволюционной модели, с которой мы имеем дело. Их самосознание – достаточно сложная и динамично развивающаяся структура, в которой различные привязанности переплетаются и конкурируют между собой, а «русскость» как чувство общности с русскими в России не единственная форма этнического (этнокультурного) самоопределения, в том числе и для собственно русских»³⁶. Ее поддерживает В.И. Мукомель³⁷: «Репатриация не избавляет соотечественников от кризиса идентичности. На смену прежним, приходят проблемы, возникающие в местах вселения в России. В репатриацию вовлечены люди, которые часто были укоренены в странах выезда в течение нескольких поколений, либо там родились и выросли, либо жили в течение нескольких десятилетий. Для части россиян они, воспринявшие многое из образа жизни местного населения государства выбытия, стали культурными маргиналами. Возвращаясь на родину, репатрианты обнаруживают, что их представления о ней были неадекватны».

Ужесточение российского законодательства

Изменения в российском законодательстве о гражданстве и правовом положении иностранных граждан, несомненно, внесли серьезные коррективы в принятие решений многих потенциальных мигрантов, отвратив их от переселения в Россию, что, в конечном счете, сказалось на объемах миграционных потоков. Если в 1990-е гг. миграционное законодательство России носило достаточно либеральный характер³⁸, то в 2000-е гг. оно резко изменилось. С 1 июля 2002 г. вступил в силу новый Закон «О гражданстве Российской Федерации» (ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» № 62-ФЗ от 31.05.2002 г.). Закон резко ужесточил «правила игры». Его концепция состояла в уравнении правового положения российских соотечественников из ближнего зарубежья с гражданами третьих стран в отношении приобретения российского гражданства. При принятии такого закона позиция государственных структур и в частности МВД России состояла в том, что граждане ближнего зарубежья за прошедшие с момента распада СССР десять лет должны были уже определиться со своим гражданством. Принятие Закона серьезно осложнило положение ряда категорий иностранных граждан с неопределенным правовым статусом, а также тех граждан бывшего СССР, которые фактически

постоянно проживали в России, но не имели российского гражданства. Особенность их правового положения состояла в необходимости получения вида на жительство как необходимого условия для приема в гражданство, что требует в этом случае как минимум одного дополнительного года (срока, в течение которого иностранный гражданин обязан прожить в России на основании разрешения на временное пребывание (ст. 8 Закона «О правовом положении иностранных граждан»).

«Ответом» на принятие жесткого закона «О гражданстве» стало резкое снижение в 2003–2004 гг. регистрируемых объемов миграции и рост нелегальной миграции. Впоследствии закон корректировался в сторону некоторого смягчения, однако восстановилось только само по себе ужесточение законодательства, но и отсутствие четких и прозрачных пошаговых процедур принятия гражданства. В частности, опрос региональных экспертов в Псковской и Оренбургской областях, проведенный представителями Российского Красного Креста вскоре после изменения миграционного и гражданского законодательства, выявил такие обстоятельства причин незаконной миграции, как: слабое законодательное регулирование в области возможной легализации иммигрантов, отсутствие для мигрантов информации о процедуре легализации, нежелание иммигрантов легализовать свой статус в силу временного характера пребывания³⁹.

Следующее изменение российского миграционного законодательства пришлось на 2006 г. с введением в действие с 2007 г. и оценивалось экспертами как либеральное. Но затронуло оно в большей степени временных трудовых, а не «постоянных» мигрантов. Кроме того, развернувшийся мировой финансовый кризис не позволил ему реализоваться. Стимулировать постоянную миграцию в Россию была направлена стартовавшая в 2006 г. Государственная программа «Соотечественники», однако по целому ряду причин, главными из которых являются запоздалость старта этого проекта и зарегулированность правоприменения, она фактически не состоялась³⁸. За 5 лет ее действия в Россию переселилось 57,5 тыс. чел. (в том числе за 2011 г. – 29,5 тыс. чел. (вместе с членами семей)) вместо 300 тыс. чел., запланированных только на три первых года действия Программы. Возможно, сейчас мы стоим на пороге ренессанса в действии Программы возвращения соотечественников: он возможен вследствие очередного витка усложнения процедуры получения гражданства России в упрощенном порядке, последовавшего в октябре 2011 г.⁴⁰

Таким образом, за время существования нового российского государства миграционная политика России менялась неоднократно. Уследить за нюансами ее регулярных изменений и тем более за новациями в правоприменении, потенциальным мигрантам невероятно сложно. Процедурная запутанность стимулирует дополнительные коррупционные возможности. Все это, безусловно, «играет» на отпугивание мигрантов от России.

Усиление ксенофобских настроений в российском обществе

Негативное отношение к мигрантам – феномен повсеместного распространения. Отношение к переехавшим как к людям «второго сорта» фиксируется в большинстве принимающих стран. Практикуемым было негативное отношение к «лимитчикам», работавшим в позднесоветское время на самых непрестижных местах в Москве и в других крупнейших городах страны. Российские фобии по отношению к «кавказцам-торговцам» тоже сложились во времена СССР. Тем не менее, 20 лет назад само слово «мигрант» не порождало никаких откровенных негативных ассоциаций. Наблюдавшееся в начале 1990-х гг. доброжелательное и участливое отношение к беженцам из горячих точек быстро сменилось нейтральным (которое сегодня рассматривается как нормальное, позитивное, правильное) и отрицательным. В 2000-е гг. широко распространились ксенофобские настроения, разделяемые большинством населения России. Мониторинг общественного мнения в Москве с завидной регулярностью показывает, что «наплыв

мигрантов», особенно «кавказцев» и «выходцев из южных республик», занимает третье место в рейтинге основных беспокоящих москвичей проблем⁴¹. По данным всероссийского опроса общественного мнения, проведенного Левада-центром в 2007 г., только 12,5% опрошенных назвали свое отношение к мигрантам хорошим или сочувствующим. Ситуация активно подогревается СМИ, муссирующим темы денежных переводов, мигрантской наркомании, преступности, повышенной заболеваемости ВИЧ, выдавливания местного населения с рабочих мест и пр. Эта проблематика нашла отражение в многочисленных работах В.И. Мукомеля⁴², О.И. Вендиной⁴³, Э.А. Паина⁴⁴, Н.М. Лебедевой⁴⁵ и др. исследователей⁴⁶ и будет подробно освещена в одном из разделов настоящей Хрестоматии. Здесь укажем, что антимигрантские настроения в российском обществе, очевидно, являются дополнительным «черным камнем», действующим не в пользу принятия решения о миграции в Россию. Примеры негативного отношения к мигрантам быстро становятся известными в странах выезда. Воспроизводится порочный круг: растущее неблагоприятное отношение к мигрантам, бытовая и институциональная ксенофобия осложняют их проживание в России и определяют модели их поведения. Вернувшись в республики, они переносят негативное отношение на русскоязычных на местах (эдакая «дедовщина»), способствуют созданию неблагоприятного психологического фона для потенциальных мигрантов.

Примечания:

- ¹ Малахов В.А. Труд, социальная власть и миграция: российская специфика // Антропология социальных перемен: сборник статей / Отв. ред.: Э.-Б. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 556–578.
- ² Отдел населения ООН публикует данные о так называемом «накопленном числе мигрантов» (migrant stock), т.е. числе людей, живущих не в той стране, в которой они родились. Поскольку по данным переписи населения 2002 г., в России проживало 12 млн уроженцев других государств, они и рассматриваются экспертами ООН как международные мигранты. Однако при этом специально оговаривается, что в случае бывшего Советского Союза речь идет о людях, которые были внутренними мигрантами и превратились в международных, никуда не выезжая, только в результате появления новых границ // Trends in total migrant stock: The 2005 revision. UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. UN, 2006. P. 1.
- ³ Прибыткова И. Миграции и время: украинский вариант развития // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М., 2009. С. 92.
- ⁴ Емельянова А.А., Раков А.А. Миграционный обмен между Россией и Белоруссией // Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. Под ред. Л.А. Рыбаковского. М., 2009. С. 149.
- ⁵ Чудиновских О.С. Статистика международной миграции. Практическое руководство для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Женева, ООН, 2011; Чудиновских О.С. Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы // Вопросы статистики. 2010. № 6; Чудиновских О.С. Опыт сравнения статистики международной миграции в странах СНГ // Вопросы статистики. 2009. № 3; Чудиновских О.С. Проблема правовой базы статистического учета мигрантов // Теневая экономика–2007, 2008, и др. работы.
- ⁶ Зайончковская Ж.А. Внутренняя и внешняя миграция // Население России 1993. Ежегодный демографический доклад. Отв. Ред. А.Г. Вишневский. С. В. Захаров. М.: Евразия, 1993. С. 58.
- ⁷ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogj1612.htm
- ⁸ Мкртчян Н.В. Миграция как компонент динамики населения регионов России: оценка на основе данных переписи населения 2010 г. // Известия РАН. Серия географическая, 2011. № 5. С. 28–41.
- ⁹ Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В. Иммиграция: путь к спасению или Троянский конь // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008: Россия перед лицом демографических вызовов. М.: ПРООН, 2009. С. 97–120.
- ¹⁰ С 1 июля 2010 г. в Латвийской Республике вступили в действие поправки в Закон «Об иммиграции», которые позволяют иностранным гражданам (в том числе россиянам) легально получить вид на жительство в Латвии, то есть обрести возможность находиться в странах Шенгенского соглашения неограниченно длительное время. Для этого иностранцу необходимо приобрести по определенной цене недвижимости (от 100 тыс. латов в Риге, Рижском регионе или другом крупном городе или от 50 тыс. латов в прочих территориях). К 1 октября 2011 г. этим правом воспользовались около 1700 чел., в основном из граждан России и Казахстана.
- ¹¹ Мошняга В.Г. Молдавия в системе международных миграций // Демоскоп Weekly. 2008. № 354–355. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/tema02.php>
- ¹² Петракова Ю.Н. Миграция в Беларуси // Демоскоп Weekly. 2011. № 471–472. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0471/analit03.php>

- 13 Прибыткова И. Миграции и время: украинский вариант развития // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М., 2009. С. 90.
- 14 Емельянова А.Д., Раков А.Д. Миграционный обмен между Россией и Белоруссией // Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. Под ред. А.А. Рыбаковского. М., 2009. С. 149.
- 15 Тарасова Е.В. Почему русские продолжают уезжать из Казахстана? // Заметки // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М., 2009. С. 290.
- 16 Садарова Е.Ю. Казахстан в централизованной миграционной субсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М., 2009. С. 328.
- 17 Макасова А. Узбекистан в системе международных миграций // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М., 2009. С. 328.
- 18 Омирова С. Миграционные процессы в современном Таджикистане // Демоскоп Weekly. 2005. № 223–224. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0223/analit05.php>
- 19 Прибыткова И. Миграции и время: украинский вариант развития // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М., 2009. С. 64.
- 20 А. Стойт ли переезжать в Россию, или Плюсы и минусы переезда по мнению потенциальных иммигрантов? URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0271/gazeta08.php#1>.
- 21 По нетто-коэффициенту воспроизводства Узбекистане второе место после Таджикистана (Ro=148). Статом, занимает на постсоветском пространстве второе место после Таджикистана (Ro=148).
- 22 Зайончковская Ж.А. СНГ через призму миграции // Миграционная ситуация в странах СНГ. Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 1999. С. 59.
- 23 Ивашок И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика. М.: Макс Пресс. 2008. С. 56.
- 24 Шустов А. Процесс запущен... Русские покидают Казахстан 24 ноября 2011 г. URL: <http://www.russianskyz.info/russians/2491-process-zapuschen-russkie-rokidaut-kazakhstan.html>
- 25 Космарова Н.П. Мы все сейчас в одной лодке – и русские, и киргизы // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 251.
- 26 Там же.
- 27 В. Приднестровье и Гагаузия за русским языком закреплены статус одного из официальных языков. URL: <http://ferdybolic.com.ua/article/14204-01d.html>
- 28 Садарова Е.Ю. Казахстан в централизованной миграционной субсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М., 2009. С. 286, 288.
- 29 Омcott M. Восторги шанс Центральной Азии. М., 2005. С. 124.
- 30 Гужвенко Ю.Д. Стоит ли переезжать в Россию, или плюсы и минусы переезда по мнению потенциальных иммигрантов // Фергана.ру. 19 декабря 2006 г. опубли. в Демоскоп Weekly. 2007. № 271–272. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0271/gazeta08.php>
- 31 Космарская Н.П. «Пятый пункт» и «карьеры». Особенности экономической интеграции русскоязычных в Киргизской Республике // Публикации Центра независимых социологических исследований. Выпуск 8. Единичность и экономика в постсоветской пространстве. Материалы международного семинара. Под ред. Бреданиковой О., Воронцова В., Чикадзе Е. Санкт-Петербург. 2000.
- 32 Минорская И.Ю. Трансформация этнической идентичности русскоязычного населения в странах Балтии. Дисс...к.спсх.н., 2004.
- 33 Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Миграция // Население России 2003–2004. Одннадцатый – двенадцатый ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006. С. 319.
35. Итоги национальной переплюки населения 2009 г. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан.
- 36 Космарская Н.П. Мы все сейчас в одной лодке – и русские, и киргизы // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 250.
- 37 Мухомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. М., 2005. С. 58.
- 38 Миграционная политика первого «российского десятилетия»: пытаясь ответить на стоящие перед ней вызовы вынужденной миграции: в части наделения мигрантов соответствующим статусом политики. Выглядела более успешными, в части их обустройства и адаптации в России – были менее удачными.
- 39 Ястребова А. Правовые аспекты проблемы незаконной миграции в России // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решения. МОМ. М.: Гендальф. 2004. С. 13–42.
- 40 Подробнее о механизмах реализации Госпрограммы «Соотечественники» См. раздел 7 настоящей Хронологии.
41. Указ Президента России от 19 октября 2011 г. № 1391. «О внесении изменения в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325».
42. Вендина О.И. Московская идентичность и «понаехавшие» // Демоскоп Weekly. 2011. № 467. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0467/index.php>
43. Мухомель В.И. Российские дискурсы о миграции: нулевые годы // Демоскоп Weekly. 2011. № 479–480. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/tema01.php>; Мухомель В.И. Российские дискурсы о миграции // Демоскоп Weekly. 2004. № 179–180 URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/tema01.php>; Мухомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2 и др.

- ⁴⁴ Вендина О.И. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Демоскоп Weekly. 2004. № 177–178. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema01.php>; Вендина О.И. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3. Общ. Ред. Ж.А. Зайончковская. 2005; Вендина О.И. Московская идентичность и «понаехавшие» // Демоскоп Weekly. 2011. № 467–468. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0467/index.php>
- ⁴⁵ Паин Э.А. Ксенофобия – экстремизм – терроризм // Дружба народов. 2005. № 1; Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в современной России. М.: ИС РАН, 2004; Паин Э.А. Толерантность как условие этнополитической интеграции (мировой и российский опыт) // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Вып. 16 и др.
- ⁴⁶ Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (отв. ред.) Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009; Лебедева Н.М. Социально-психологические проблемы аккультурации мигрантов из республик Северного Кавказа и Закавказья в мегалополисе // Миграционные процессы и проблемы адаптации. Отв. ред. В.В. Константинов. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009. С. 97–124.
- ⁴⁷ Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭиА РАН, 2002; Леонова А. Мигрантофобия и ксенофобия // Демоскоп Weekly. 2005. № 203–204. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0203/tema01.php>; Борусьяк Л. Патриотизм как ксенофобия (результаты опроса молодых москвичей) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004, № 6 (74); Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2003 гг. М.: НЛО-ВЦИОМ-А, 2004; Тишков В.А. Социально-политический и культурный смысл антимиграционализма // Демоскоп Weekly. 2004. № 179–180. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit01.php>; Мкртчян Н.В. Миграция и средства массовой информации: реальные и мнимые угрозы // Космополис. №3 (5). 2003. Осень. С. 108–115; Бадыштова И.М. истоки интолерантности россиян к мигрантам // Горные страны: Расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг: Материалы Международной конференции, Ставрополь–Домбай, 25–30 сентября. М.–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 116–12; Малахов В.А. Осуществим ли в России русский проект // Отечественные записки. 2002. № 3; Вишневский А.Г., Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В., Мукомель В.И., Тюрюканова Е.В. Миграционная стратегия для России и политика толерантности // Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска. М., 2011. С. 255–298. и др.